

КОГДА СТРАДАТЬ ОТУЧАТСЯ ПОЭТЫ ...

О поэзии Инэль Яшиной

Честно говоря, про грядущий юбилей Архангельской писательской организации я забыла. А желание написать о поэзии Инэль Яшиной возникло у меня вовсе не в связи с какой-либо датой. Напротив, хотелось сказать о том, что дорого мне в ее лирике, без всякого внешнего повода, не приурочивая это ни к какому событию, потому что грустно это — вспоминать о творчестве художника только в юбилейные дни. Я и назвала хотела эти свои заметки именно так — «Неюбилейное». Но случилось так, что пока я собиралась их написать, юбилей все-таки грянул. Ну что ж, такое вот совпадение. Пусть все-таки эти размышления будут восприняты не «в связи» и не «по поводу», а только как реализованное желание поразмышлять о лирике поэта, чье творчество давно и прочно вошло в число наиболее заметных явлений нашей северной поэзии.

При всей своей яркой индивидуальности лирическая героиня Яшиной узнаваема. Узнаваема в той мере, в какой ей присущи изначально собственные русской женщине черты. Это одно из воплощений национального характера, а именно то, в котором отчетливо проступает волевое, деятельное начало. Она скорее активна, чем пассивна, скорее склонна быть беспощадной к себе, чем жалующейся и стремящейся вызвать у других жалость.

Ей не свойственно утешать себя самообманом, скорее, напротив, она будет принимать правду, какой бы горькой та ни была, принимать — и действовать, «надежды нити разом отсекая» («Раз любовь на плаху положили, Я сама подам тебе топор»). Это женщина, которой так часто приходится слышать о себе, что она сильная, и которой так хочется, чтобы кто-то избавил ее от необходимости быть сильной, от этого креста, который она несет всю жизнь. Именно таких, как лирическая героиня поэзии Инэль Яшиной, судьба снова и снова «пробует на излом».

Действенность, активность лирической героини Яшиной, как мне кажется, ярче всего проявилась даже не в любовной лирике, а в небольшой пейзажной зарисовке, где желание «помочь» весне, поторопить саму природу выливается в бесхитростные и такие «яшинские» строки:

*На косогоре стаяла наст,
Земля вздохнула так отрадно!
Пойду последний снежный пласт
Перекидаю за ограду.*

Поэтессе удается и то, что в лирической поэзии встречается не так уж часто: создавать запоминающиеся образы-характеры других людей, рисовать выразительные жанровые сцен-

ки, когда в нескольких строках раскрываются личность человека, склад его характера, строй души, рисуются драматические жизненные ситуации («В бане», «Богородица», «Расплата», «Митрошихина проповедь», «Бабушки» и др).

У Яшиной очень хороший слух, и оттого в ее стихах так много звуковых образов и они так выразительны и ярки. Чаще всего это сильные, насыщенные, звонкие, буквально звенящие образы, которые порой становятся основой стихотворения, его не только звуковой, но и смысловой доминантой. Так, например, строится стихотворение «Ни в дому, ни в поле...», не случайно ставшее песней. Кроме колоколящих трав, дождика, сердца, эха, в ее лирике и людские пересуды «звенят во все колокола», и «звенят капели перезвонцы», и «трезвонит дождь по крыше», и о себе лирическая героиня говорит: «Я — валдайский литой бубенец». Эти звукообразы создают особый ритмикомело-

дический строй ее лирики, основой которого становится закликательность. Само звучание слова, звуковой строй стихов — чаще всего энергичный, экспрессивный, вызывающий ассоциации с сильным, чистым, ритмичным звуком — становится важнейшим содержательным элементом поэзии, обеспечивает ее лаконизм, эмоциональную насыщенность.

В ряду других образов выделяются столь органичные для мироощущения лирической героини Инэль Яшиной образы стихий, и прежде всего — огня. Огонь — в разных его формах — встречается во множестве стихотворений поэтессы: в ее лирике «попыхает небосвод», молния пронзает «калевым жалом», играют «в костре угольки золотыми разливами звезд», а любовь чаще всего предстает как взметнувшийся до облаков костер, неистовый огонь, пожар. Внутренний огонь, жар души лирической героини воплощается в реальных, предметных образах. Расставание, конец любви ассо-

цируются не только с обугленным сердцем, но и с реальными угольками, золой, едва тлеющими искрами, а почти ритуальное сжигание писем становится также и внутренним событием: прошлое отсекается огнем, выжигается. И кажется, что этот жар и закаляет душу, и «выпаривает» из нее слезливую сентиментальность (не случайно — «снова плачу сухими глазами»), и становится жертвенным костром, а также разрастается до символического образа, воплощающего особую природу поэтического дара:

*Живем любя и мучаясь.
Сгорая, Мы зажигаем новые сердца.*

*Когда страдать разучатся поэты,
Кто будет песни новые писать?*

Рядом, переплетаясь с этим сквозным мотивом горения, живут контрастные ему образы зимы, пальцающей сту-

жи, ядерного мороза. Стужа у Яшиной подобна огню — так же очищает и испытывает, а то и обжигает («От мороза горячо, Не обжечься бы!»), так же сродственна душе ее героини наколом, силой, крайностью, бескомпромиссностью.

Все эти особенности поэтического мира Инэль Яшиной взаимосвязаны, образуют гармоническое единство. И еще одна — на мой взгляд, едва ли не самая ценная — черта ее поэзии также обусловлена особым складом души лирической героини и находится в неразрывном единстве с остальными свойствами лирики этой поэтессы. Я имею в виду редкое умение, обнаруживающееся в лучших стихах Яшиной, почти полностью отказываться от каких-либо собственно поэтических «украшений» и предлагать читателю открытое, прямое слово — часто разговорное, даже просторечное, но в контексте лирики преображающееся, получающее высочайший поэтический заряд. Есть какое-то особое бесстрашие в том, что поэт обращается к такому неукрашенному, «голому» слову и претворяет его в слово поэтическое. В этом — и доверчивая открытость, беззащитность поэта, и его особая сила, потому что, может быть, это самое большое чудо поэзии, ее главная тайна — умение превращать обыкновенную речь в поэтическое Слово:

*Светят спелостью моршковой
На ладони янтаря.
Ты по правде, понарошку ли
О любви мне говорил?
В желтом камне мушка малая,
Ей какая тыща лет?
Ох, как ждать тебя устала я!
Да и веры больше нет.*

В стихотворении, посвященном самому поэтическому творчеству — «Красно слово» — как в фокусе сошлись все особенности яшинской лирики: и потребность делать, действовать — до конца, до предела, каким бы мучительно трудным ни было это делание; и эстетический аскетизм, стремление к лаконичности; и удивительный слух, позволяющий создавать насыщенные смыслом звукообразы; и сжатая до густка энергия, экспрессивность:

*Расшиателся кроены,
Вкось ивет основа.
До чего непросто
Выткать красно слово!
Закрепила кроены,
Выровнялась нитка.
А на сердце — слезно,
Как же слово выткать?
Чтоб гляделось разно,
Понималось просто.
Вытку слово красно,
Доломаю кроены.*

Елена ГАЛИМОВА.